

Что не так

Сетевая публицистика

Аббасиды Магриб **Христианство** Сирия Иерусалим Аравия арабы
Византия суфизм Египет армия православие ереси
мистицизм ученые святыне **История** Рим
Владимир Соколов
религия Багдадский халифат **Ислам** вера
культура поэзия наука халифат дервиши отшельники

Владимир Соколов

Что не так

<https://litres.ru/74632394>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что не так, а что, наоборот, так как надо? Сборник статей на исторически-богословско-философские темы.

Содержание

Христианство против ислама: бой в 3-х раундах	5
Раунд 1. Пять критериев	5
Фактор первый. Авторитетность	6
1. Древность	7
2. Достоверность	8
3. Оригинальность	9
4. Распространенность	11
5. Методы распространения	11
Раунд 2. Требования и обещания	15
Требования	15
Обещания	20
Раунд 3. Теория и практика	22
Фактор третий. Гуманность и миролюбие	22
Практика	23
Теория	25
Фактор четвертый. Свобода, равенство и братство	27
Фактор пятый. Права женщин и права детей	29
Фактор шестой. Эстетика	30
Интервью «Живому Журналу». Вопросы об исламе.	32
Что не так с исламом?	54

Владимир Соколов

Что не так

Христианство против ислама: бой в 3-х раундах

Раунд 1. Пять критериев

Давно известно, что все верующие делятся на три разряда: сумасшедшие, мошенники и дураки. Так, по крайней мере, думает большинство тех, с кем приходится общаться в соцсетях. Для таких людей вопрос о преимуществах той или иной религии решается очень просто: чума на оба ваши дома. Или, выражаясь менее изысканно, одно дерьмо не лучше другого.

Сами верующие тоже не особо любят спорить о вере. Мир для них делится на две части – единомышленников и всех остальных. Если они и затевают какие-то дискуссии, то только для того, чтобы лишний раз утвердиться в собственной правоте. Истина в таких спорах дана уже заранее – надо только подобрать побольше аргументов, чтобы разгромить противника и доказать то, что и так было ясно с самого начала.

В истории религиозных диспутов, кажется, не было ни одного случая, когда оппонентам удавалось перетянуть кого-нибудь на свою сторону только силой своих доводов. Даже святой Франциск Ассизский не смог убедить султана Камиля, что христианство лучше, чем ислам. Что уж говорить о современных интернет-миссионерах?

Поэтому сразу хочу предупредить читателей, что все написанное дальше не следует воспринимать всерьез. Это только интеллектуальная забава и игра ума, затеянная ради удовольствия и развлечения, а не в поисках истины. Я не собираюсь никому ничего доказывать и никого ни в чем убеждать. Аминь.

Итак, приступим. Поставим мысленный эксперимент. Представим, что какой-нибудь современный атеист разочаровался в научной картине мира (случается и такое) и почувствовал потребность в вере. В стране, где он живет, шире всего представлены две конфессии: христианство и ислам. Какая из них лучше? Какая правильней? Какая глубже, подлинней, гуманней, честнее, наконец? Попробуем с этим разобраться.

Фактор первый. Авторитетность

Наверно, кому-то термин «авторитетность» покажется простым, но я для большего удобства разобью его на пять частей:

1. Древность.
2. Достоверность.
3. Оригинальность (или, наоборот, степень заимствования).
4. Распространенность.
5. Методы распространения.

1. Древность

Обе религии, христианство и ислам, довольно древние. Ислам лет на 600 моложе христианства, но в рамках человеческой истории это сущий пустяк. Буддизм древнее еще на 600 лет, но из этого не следует, что он в два раза лучше христианства и в четыре – ислама. Больше того, нет никаких оснований считать, что древность сама по себе должна свидетельствовать об авторитетности. Иначе истинным богом надо было бы объявить какой-нибудь языческий тотем – он уж точно подревней будет.

Бывает и наоборот – в заслугу религии ставят как раз ее новизну. Подразумевается, что раз уж это самое свежее и распоследнее откровение, то оно и правильное, а все, что было «до» – так, недоразумения и предтечи. Именно такой аргумент выдвигали и христиане, и магометане, называя своих учителей кто «Альфой и Омегой», а кто – «Печатью пророков».

Общий вывод: отсылки к древности в обоих случаях вы-

глядят неубедительно. Каждая вера получает пол-очка – 0.5 : 0.5.

2. Достоверность

Достоверность – совсем другое дело. Как раз на достоверности атеисты легко «прокатывают» своих религиозных оппонентов. А где ваши исторические источники? – спрашивают они ехидно. Где факты, доказательства, где свидетели, наконец? Кто может подтвердить, что Иисус – Бог, а Магомет – пророк Аллаха? Никто, кроме самих верующих. Но всем известно, что это люди доверчивые, экзальтированные и легковозбудимые. Они везде видят невидимое и ощущают неосязаемое. Какая тут может быть достоверность?

Правда, реальность существования Мухаммеда, в отличие от личности Христа, не вызывает никаких сомнений. Ну и что из того? Если такой человек, как Мухаммед, существовал, это еще не значит, что он был проводником небесной истины и под диктовку записывал речь Аллаха. Мало ли на свете было сумасшедших и самозванцев, объявлявших, что они – Бог или посланник Бога?

Тут богословы и другие знающие люди обычно начинают понимающе кивать головами и говорить, что фактическая достоверность – это так, пустяки. Потому что есть гораздо более важный и надежный критерий – достоверность внутренняя. Божественность христианского (мусульманско-

го или буддистского – подставляем нужное) вероучения убедительна уже потому, что сама собой очевидна и естественна для всех людей. Христиане уверяют, что «душа по природе христианка», а мусульмане – что каждый человек рождается мусульманином. То есть изначально все люди веруют правильно и только потом, из-за разных недоразумений и заблуждений, отклоняются от истины.

Все это звучит хорошо, но и внутреннюю самоочевидность тоже все почему-то понимают по-разному. Что для одного божественное, для другого – «слишком человеческое». Скажем, буддисты видят божественность своего учения в том, что оно отрицает личность, а христиане, наоборот, ставят личность во главу угла. Мусульмане и иудеи считают идею о сыне Божьем кощунством и безумием, а христиане как раз в ней находят фундамент своей веры. Одно мнение стоит другого, и как тут докажешь, что одни правы, а другие нет?

Выходит, что по достоверности обе религии примерно равноценны и каждая получает еще по пол-очка: 0.5 : 0.5.

Общий счет 1.0 : 1.0.

3. Оригинальность

Здесь, возможно, кто-то захочет побить меня камнями, но скажу все как есть.

Христианское учение, особенно в моральном плане, –

оригинально. Собственно, именно это всегда и ставили ему в заслугу христиане. Божество, не только принявшее облик человека, но и ставшее реальным человеком, – чистая фантастика. Человек умер и воскрес навеки, и не в виде божества или какого-то там созвездия, а натурально, во плоти, – где это видано? Бог воплотился в «зраке» раба, потому что главное его качество – смирение! Надо любить своих врагов! Бог есть любовь! Один, но в трех лицах! Надо есть тело Бога и пить Его кровь!

Как хотите, а все это до сих пор кажется очень странным и почти безумным – и потому божественным. Разве сам человек смог бы додуматься до такого удивительного бреда? Как потом поступили со всеми этими чудесами сами христиане и что вокруг наворотили толкователи и богословы – другой вопрос, но оригинальность христианства не вызывает вопросов.

Мусульманское учение – не оригинально. Нисколько. Оно изначально и не претендовало на новизну, рассматривая себя как продолжение иудейства и христианства. Это все то же старое доброе прямолинейное единобожие с разными несущественными нюансами. Как его ни крути, по смыслу всегда получается одно и то же. Такому мировоззрению не откажешь ни в последовательности, ни в убедительности, но сейчас мы говорим про оригинальность, а ее в исламе нет.

Христианство получает один балл против нуля: 1.0 : 0.0.
Общий счет 2.0 : 1.0 в пользу христианства.

4. Распространенность

Здесь христиане могут смело говорить, что христианство – самая распространенная религия в мире. Чем не критерий правоты? Стали бы полтора миллиарда людей по всему свету верить в Христа, не будь на это серьезных оснований?

Но и магометанство появилось словно нарочно для того, чтобы опровергнуть этот тезис. По числу верующих мусульмане сегодня ненамного отстают от христиан, а динамика обращений складывается скорей в их пользу. Как это понимать? Ведь ислам с точки зрения христиан – ложная религия, а вон как широко распространилась. И наоборот. Попробуй объясни.

В итоге боевая ничья, 1.0 : 1.0.

Общий счет 3.0 : 2.0.

5. Методы распространения

Возможно, здесь я пристрастен, но первые триста лет в христианстве выглядят гораздо привлекательней, чем в исламе. Целыми веками христиан пытали и истязали так, что не увидишь ни в одном хорроре, но они не подняли ни одного восстания, не убили ни одного представителя власти и не совершили ни одного теракта! Нет, эти скромные люди тихо и мирно собирались на свои агапе, никого ни в чем не виня и ни к чему не принуждая, – и как-то само собой вышло, что

новое учение проникло в Рим, дошло до верхов власти и захватило трон.

Сравните это с первой общиной Мухаммеда и утверждением ислама. Сплошные набеги, убийства, истребление евреев и конкурентов, войны, кровь, огонь и меч. Если убрать из всего этого религию, получится ровно то же, что делали сотни других восточных правителей, чтобы захватить власть и навязать свою волю остальным. Да, возможно, на арабском Востоке иначе было нельзя, но никакой симпатии такое распространение не вызывает. Давайте я сейчас начну навязывать вам свою веру силой – кому это понравится?

Правда, потом христианство и ислам почти поменялись местами: христиане из всех сил начали изгонять из своих стран все, что отличалось от общепринятой доктрины, а мусульмане, наоборот, спокойно смотрели на иноверцев и не особо навязывали им собственную веру. Что это значит?

Увы, подоплекой мягкости ислама было вовсе не человеколюбие, а чисто финансовый интерес. Все, кто отказывался принимать ислам, платили налог на «иноверчество» – джизью. С этого налога и с военных трофеев, собственно, и жило большинство мусульман, особенно вначале. К тому же снисходительны мусульмане были только к «людям книги», то есть христианам и иудеям, а все прочие неверные народы по Корану полагалось изничтожать под корень. Можно сказать, что ислам был намного суровей в теории, зато мягче на практике, а христианство – наоборот, стелило мягко, да жестко

было спать.

В остальном в обеих религиях все шло одинаково. Захватывая чужие земли, христианские и исламские монархи либо прямо насаждали свою веру, либо создавали такие условия, при которых обращение в нее давало аборигенам большие преимущества и избавляло их от лишних тягот. Неудивительно, что всего через век или два население этих стран почти поголовно становилось мусульманским/христианским.

Очень часто новая вера принималась целыми народами по воле одного правителя: тот принимал решение за всю страну, а потом распространял ее среди своих подданных с помощью «административного ресурса». Миссионерам уже не требовалось бродить по деревням и весям, всюду проповедуя истину: достаточно было обратиться к одному монарху, а дальше уже все шло как по маслу.

Именно так христианство принималось на Руси. Сначала князь Владимир принял «наилучшую» веру из разных предложений, а потом сжег идолов и массово крестил русичей в Днепре. Почему-то эту историю очень любят вспоминать в православном мире, хотя у настоящего христианина от нее волосы должны вставать дыбом.

Но и у мусульман было ничуть не лучше. Монгольский хан Берке силой насаждал ислам среди своих кочевников, не понимавших, чего от них хотят, а хан Газан всем придворным, не носившим положенный у мусульман тюрбан, грозил приколотить его к голове гвоздями.

Короче, ислам и христианство в массовом порядке распространялись из политических соображений или через силу. Но за свои славные первые триста лет христианство получает большой жирный балл против всего половины у ислама: 1.0 : 0.5.

Окончательный счет в первом раунде:

4.0 балла у христианства

2.5 балла у ислама.

Христианство пока рулит.

Раунд 2. Требования и обещания

Тут мы подходим к самому главному. Что обе религии хотят от человека и к чему призывают? Что обещают своим приверженцам и как видят будущее человека?

Требования

Сходства и различий между двумя верами в этом пункте – примерно половина на половину. Ислам и христианство требуют от верующих одного и того же – добродетельной жизни. Выполняй Божьи заповеди, жертвуй бедным, постись, читай молитвы – и спасешься.

Но подоплека у этих требований разная.

Если сравнивать христианство и ислам, то у них очень непохожие представления о Боге. Аллах мусульман стоит гораздо дальше от людей, чем христианский Бог-Отец. Они настолько несопоставимы, что в исламе, в общем-то, бесполезно вопрошать, почему Бог делает то или другое. Такова его воля, и точка. Как писал один арабский автор – дела этого мира слишком ничтожны, чтобы Аллах обращал на них внимание.

Отсюда проистекает и известное требование «не придавать Аллаху сотоварища»: мусульманский Всевышний стоит так далеко от человека, что никакие посредники между ни-

ми немыслимы. Мусульманам это нравится, а христианам – нет. Им-то как раз важно, что такой посредник есть и что Бог стал человеком.

Эти различия и определяют разницу в требованиях и обещаниях двух религий.

Для ислама главное – послушание Богу, проявление покорности перед Его непостижимой волей. Говорят, что Он милостив, милосерден, благоволит к добрым и щедрым и т.п. (потому что Он сам так заявляет о себе в Коране), но если бы Он был немилосерден или немилостив, в исламе от этого мало бы что изменилось. Аллах – абсолют, перед которым человек может только простираться ниц, исполняя данные ему приказы и не пытаясь понять их смысл. Что хочет и чего не хочет Бог, сформулировано в Коране, и больше о Нем ничего сказать нельзя. Ни о какой любви Творца к своим творениям, как в христианстве, речи не идет.

Соответственно, и верующим не обязательно отвечать Ему любовью. Это служебное, солдатское понимание веры – в христианских терминах «путь слуги», «путь раба», а не сына.

Поэтому требования к верующим в исламе намного проще, чем в христианстве. Аллах сказал через Пророка: молитесь так-то, давайте милостыню, поститесь, совершайте хадж – и больше ни о чем не беспокойтесь. Если вы выполнили данные вам предписания, то выполнили и Мою волю, ничего сверх этого не нужно.

Нельзя сказать, чтобы эти предписания были легкими: пять длинных молитв каждый день, замысловатые правила очищения, строгий пост, обязательный хадж, – выполнить все эти требования совсем не просто. А если добавить к этому сотни и тысячи интерпретаций и толкований, прилагаемых к каждому правилу, задача становится совсем головоломной. Почитайте мусульманские форумы, посвященные еде, общению с неверными и пр. – там тонны текстов, посвященных спорам вокруг халяля и харрама, с цитатами из всевозможных имамов, шейхов и других авторитетов.

В христианстве, на первый взгляд, требования помягче. Раз в неделю ходить в церковь, исповедоваться, причащаться, соблюдать посты, молиться утром и на ночь, по возможности подавать милостыню – вот, пожалуй, и все. Спасти душу оказывается не так уж трудно, если знать несколько нехитрых правил и следовать устоявшейся традиции. Тем более что есть более упрощенные варианты молитв, например, правило Св. Серафима Саровского, где достаточно только трижды прочесть «Отче Наш» и «Богородице, Дева» и один раз Символ веры. А для совсем уж немощных сгодится и такая спасительная формула: «Всякий, помянувший имя Божье, спасется».

Проблема в том, что это широко распространенное, обрядовое и «народное» христианство, с которым мы часто встречаемся на службах и в церквях, на самом деле – не суть веры. Это ее адаптация для мирян, «малых сих», кому мало

дано и с кого мало спросится. На деле же она скрывает изначальную глубину и даже апокалиптическую христианского учения.

Настоящее христианство иное, и требования у него прямо-таки зверские. Вопрос там решается радикально: все или ничего. «Оставь все и иди за Мной», «Кто любит мать или отца более Меня, тот недостоин Меня» и т. д. Образец христианина – это преданный ученик, апостол, который бросает дом, семью, раздает все, что имеет, до конца несет свой крест и, наконец, «сораспинается» вместе с Христом.

И не стоит думать, что потом христианство упростилось и помягчело, став каким-то другим. Если смотреть повнимательней, его требования к верующим невероятно трудны, а то и просто непосильны.

Наглядней всего это проявляется в таинствах, которых вообще нет у мусульман. Возьмем два из них: исповедь и причащение, – и мы увидим, какая бездна отделяет христианство от ислама.

Исповедь основана на том, что грехом являются не только действия человека, но и мысли. Это было новое слово христианства, которое невероятно затруднило путь к спасению. Всякое неверное движение души, неправильный помысел, чувственное желание, вспышка гнева – грех не менее реальный, чем поступки и дела. Посмотреть на женщину с вожделением – то же самое, что вступить с ней в связь. Попробуйте ради интереса хотя бы пару часов проконтролиро-

вать свои помыслы – и вы поймете, почему святые отшельники годами умерщвляли свою плоть, голодали, лишали себя сна и прочее: это был единственный способ не грешить по-христиански.

Для людей не столь святых исповедь – спасительная отдушина, единственная возможность примириться с Богом, потому что соответствовать Его требованиям в принципе невозможно. Всякий христианин неизбежно и непоправимо грешен – ему нечем оправдаться перед Богом. Он не может, как мусульманин, сослаться на то, что выполнил данные ему заповеди, поскольку, в отличие от исламских, эти заповеди невыполнимы. Все, что ему остается, это уповать на прощение грехов, что и происходит в таинстве исповеди (до следующего греха).

Объяснение такой крайней, прямо нечеловеческой сложности христианских требований заключается в другом таинстве – Евхаристии. Как известно, это вкушение тела и крови Богочеловека, то есть Бога, принявшего в Себя человеческую природу. Вещь абсолютно фантастическая, кощунственная и безумная для ислама, иудаизма и любой другой религии, кроме христианства.

Спрашивается, зачем христианам это нужно? А затем, что цель христианина – обожение человека. То есть человек должен ни больше ни меньше как уподобиться Богу или, по крайней мере, изо всех сил к этому стремиться.

И отношения между Богом и тварью тут совсем другие,

чем между Аллахом и почитателями Корана. В христианстве все основано не на послушании, а на любви. Бог в христианстве – отец, люди – Его сыновья, и все они любят друг друга. А чтобы быть достойным этой любви, нужно быть безупречным во всем, вплоть до самой глубины души: «Будьте совершенны, как Отец ваш небесный».

Вот такие неслабые требования предъявляет к верующим христианство. Любите своих врагов, не делайте ничего злого и дурного даже в мыслях, прощайте все обиды и не заботьтесь о завтрашнем дне. Будьте совершенны, и точка.

Обещания

Примерно то же самое относится и к обещаниям, которые обе эти веры дают своим адептам. В обоих случаях мы видим рай, но похожи они только по названию.

В исламе райские наслаждения намного более простодушны и основательны, чем у христиан. Здесь все очень осязаемое, человеческое, узнаваемое и плотское. Попросту говоря, это те же самые, хорошо знакомые нам земные наслаждения, только максимально усиленные и растянутые на целую вечность. Недаром существовала легенда, что новичков, вступавших в орден ассасинов, одурманивали гашишом и помещали в цветущий сад, где их кормили деликатесами и услаждали прекрасные девицы: это давало полное ощущение, что они побывали в раю.

Такая версия рая вполне могла «прокатить» в исламе, но в христианстве она немыслима и нелепа. Царствие Божие у христиан – это что-то совершенно запредельное и неземное. Христианину и в голову не придет воображать себе наслаждения в раю – настолько они превосходят человеческие представления. Те лубочные картинки, которые рисовали на эту тему благочестивые художники, – плод воображения отдельных авторов, а не учение церкви.

Зато с наказаниями все обстоит намного проще: в обеих верах адские муки примерно одинаковы. Здесь вы можете выбирать любую, не прогадаете.

Итак, вопрос в том, какая религия лучше – требовательная или снисходительная? Какой рай слаще – приземленный или запредельный, христианский или мусульманский?

Я бы сказал, что это исключительно дело вкуса. Мне больше по душе «нечеловеческая» версия христианства, поэтому я и ставлю ему один балл против нуля. Но с моей стороны это наглая и откровенная субъективность, вопиющий произвол, который можно не учитывать при расчете общей суммы баллов.

Итоговый результат по обещаниям 1.0 : 0.0.

Общий счет во втором раунде такой же – 1.0 : 0.0.

Раунд 3. Теория и практика

Продолжаем обзор и сравнение двух мировых религий. Предыдущие две части описывали божественную часть вероучений. Теперь поговорим о делах земных.

Фактор третий. Гуманность и миролюбие

В прежние времена этот фактор вообще никто не стал бы рассматривать всерьез. Гуманизм – позднее изобретение, древние цивилизации о нем не подозревали. Боги есть боги и, что бы они ни делали, не человеку их судить.

Но в наше время гуманизм – это все. Для нас истинно то, что человечно. Доброта и мягкость божества делает его нам ближе и понятней.

Внешне и христианство, и ислам придают большое значение милосердию Творца. У мусульман чуть ли не каждая книга начинается с формулы «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного», а для христиан милость Господа – краеугольный камень веры. Но насколько действительно милосердны два этих вероучения?

Тут опять приходится различать теорию и практику. С одной стороны, есть учения, в которых все правильно и красиво, а с другой – дела, которые этим учениям часто противо-

речат.

Практика

Благотворительность, помощь ближнему, помощь страждущим – это самые светлые страницы в истории обеих вер. Под многими из них с чистой совестью может подписаться даже самый яркий атеист. Например, св. Василий Великий, будучи богатым человеком, во время голода кормил за свой счет неимущих по всей провинции, включая язычников и иудеев. А в османском Стамбуле не было нищих, потому что верующим горожанам казалось немыслимым не помогать собратьям, впадшим в крайнюю нужду.

Христианские и мусульманские государи щедро строили бесплатные школы, бани и больницы, церковные монастыри и исламские ханаки в неурожайные годы бесплатно раздавали хлеб. Создавались целые братства и ордена, чтобы выкупать пленных, лечить больных, принимать странников и облегчать жизнь заключенным. И делалось все это не почему-нибудь, а именно потому, что соответствовало религиозным представлениям и считалось правильным с точки зрения благочестия и веры.

Но эти и подобные им примеры – всего лишь светлые пятна на фоне общей картины. А она, увы, получается не такая благостная.

История говорит о том, что все религии, имеющие статус

государственных или опекаемых властями, ведут себя примерно одинаково. Стоит им оказаться на коне, как они начинают проявлять нетерпимость, преследовать инакомыслящих, принуждать людей к вере и т.д. Милосердие при этом никуда не девается, но становится избирательным: появляются «враги веры», враги церкви и даже враги родины, на которых миролюбие и гуманность уже не распространяются. В дело идут «двойные стандарты», где люди делятся на своих и чужих, и то, что применимо к первым, оказывается невозможным для вторых.

Блаженный Августин, защищая ортодоксальных христиан от произвола цезарей, совсем не возражал, чтобы императорскую армию использовали против еретиков-донатистов, – ведь это шло на пользу правильной вере. Св. Иоанн Златоуст проповедовал, что к христианству можно склонять только убеждением, но, став патриархом, сам стал преследовать сектантов и закрывать их храмы.

В Средние века, когда Иерусалим несколько раз переходил из рук в руки, христиане, мусульмане и евреи поочередно устраивали резню друг друга, в зависимости от того, у кого оказывалась власть. Андалузские эмиры в Испании громили евреев и изгоняли из страны христиан, а кастильские короли делали то же самое с евреями и мусульманами. Сунниты жестоко преследовали мутазилитов, шииты объявляли войну «неверным» суннитам и т.п. Эти примеры можно множить до бесконечности.

Иногда говорят, что обе религии способствовали «смягчению нравов», но на самом деле их достижения в этой области сомнительны. Ни христианство, ни ислам не возражали против рабства, кровавых войн, изуверских казней и чудовищных пыток, процветавших в Средние века: все это считалось вещами само собой разумеющимися. Зато стоило властям ущемить права священников, покуситься на церковные земли или хоть в чем-то отклониться от общепринятых традиций, как поднимался такой возмущенный вопль, словно рушились основы мира.

Теория

Если мы сравниваем веры по их сути, надо смотреть не только на то, что они делают, но и на то, что говорят. И тут между исламом и христианством большая разница.

Жестокость и насилие в христианстве – не следствие его учения. Нигде в Новом Завете нет призывов уничтожать неверных или силой насаждать веру. Чтобы сжигать ведьм и устраивать кровавые побоища, христианам приходилось прибегать к всевозможным натяжкам и подгонять слово Божие под свои задачи. С помощью правильно подобранных цитат и ревностного благочестия можно было доказать все, что угодно. Так появлялись зверства крестоносцев, Варфоломеевская ночь, гонения на «нестяжателей», казни старообрядцев, резня в Константинополе, костры ведьм и прочие

прелести христианской власти.

По сути же учение христианства буквально сочтется миролюбием и пацифизмом (за что его часто упрекают те же люди, что возмущаются зверствами Церкви). Возлюби врагов, подставь щеку, не противься злему, прощай до «семижды семидесяти раз» – это дословные заповеди Христа, которые, как их ни толкуй, не превратишь в способ угнетения или орудие убийства.

С исламом все не так однозначно. Милосердие объявляется качеством Аллаха и приветствуется у мусульман, но в самом Коране много оговорок и прямых призывов к насилию. То, что христиане делали вопреки Христу, перевирая и насилуя Евангелия, мусульмане творили в полном соответствии с буквой и духом ислама, не нарушая ни единой заповеди и получая за это награды на небесах.

Убить неверного, уничтожить врага ислама, обратить в рабство иноверца – все это признанные доблести мусульманина, закрепленные в мусульманской догме. Это самый корень веры, а не ее извращенные плоды. Тут проявляется более древняя и грубая мораль, этика племени и клана, которую христианство уже преодолело и переросло, а ислам так и оставил в силе.

Как ни стараются мусульмане изобразить ислам религией мира и добра, – что очень легко сделать, выдернув пару изречений из Корана и хадисов, – всегда выходит как-то неубедительно и однобоко. Стоит присмотреться к их аргументам

повнимательней – и миролюбие ислама рассеивается, как оптический обман. На самом деле ваххабиты и джихадисты с их священной ненавистью к кафирам могут с полным правом считать ислам своей подлинной религией, полностью отвечающей их взглядам и намерениям. А если у кого-то в этом есть сомнения, всегда найдутся сведущие муфтии или муллы, которые охотно им это объяснят.

Счет один ноль в пользу христианства: 1: 0

Фактор четвертый. Свобода, равенство и братство

Давно замечено, что зарождение очередной религии с новой силой возрождает вечную мечту о всеобщем равенстве и братстве. Адептам свежего учения начинает казаться, что уж теперь-то, когда людям наконец открылась истина, все будет по-другому. Старые предрассудки и несправедливости исчезнут, богатые устыдятся своих несправедливых богатств, богобоязненные верующие не допустят никакой обиды и неправды.

В раннем христианстве и исламе эти ожидания были очень велики. Всем казалось, что вот-вот наступит царство Божие, законы мира сего будут упразднены и на земле начнется прямое правление от Господа. Больше не будет никаких властей и государств, свободных и рабов, богачей и нищих – только одна счастливая община верующих во главе

со священником-имамом, поровну разделяющим блага между ее членами. Всюду восторжествуют справедливость и любовь.

Ничего подобного ни в христианстве, ни в исламе, как известно, не произошло. Богачи и бедняки остались каждый при своем. Рабы продолжали быть рабами, вельможи – вельможами, а цари – царями. Религия ровным счетом ничего не поменяла в общественном устройстве и даже не пыталась ничего менять. Ее ответ был примерно таким: да, перед Богом все равны, но в человеческом обществе будьте добры исполнять свои роли, установленные испокон веков.

Разумеется, всегда оставалась масса недовольных, которые регулярно поднимали бунты и требовали равенства во имя веры. Стоило разгореться какому-нибудь восстанию или мятежу, как непременно говорилось про всеобщее братство христиан/мусульман и справедливое распределение благ. В Европе такими бунтарями были богомилы, катары, альбигойцы, гуситы, в Азии – хариджиты, исмаилиты, низариты и разные харизматичные вожди вроде аль-Муканны и Бабека.

Но эти народно-мистические бунты не входили в религиозный мейнстрим и не подвигали благочестивых государей к построению рая на земле. И когда на Западе все-таки начались какие-то потуги на справедливое устройство общества, они исходили не от верующих, устремлявших свой взор на небеса, а от атеистов, заботившихся исключительно о здешнем мире.

Итог: ноль-ноль, бесславная ничья.

Фактор пятый. Права женщин и права детей

Это совсем уже поздние установления, на которых тысячу лет назад всем было глубоко плевать. О детях даже говорить нечего – кто их вообще замечал? Что до «слабого пола», то обе религии возникли в патриархальных обществах – какие там могли быть права у женщин? «Жена да убоится мужа», «муж спасается через Бога, а жена – через мужа» – эти и подобные им вопиющие нетолерантности переполняют и Библию, и Коран.

К тому же, в обеих религиях считалось, что женщины – существа коварные и опасные, порождения порока, сплошной соблазн. Благочестивые люди старались поплотнее закутывать их в разные несексуальные наряды и держать взаперти в доме, чтобы не вышло греха.

Тут ислам, конечно, дает сто очков вперед христианам. Мусульмане упаковали своих женщин так основательно, что кроме лодыжек и бровей увидеть что-либо в восточной даме не представлялось возможным. Зайти в женскую половину дома в шариате равносильно святотатству, а побыть пару минут наедине с особой женского пола – все равно что обесчестить ее публично. Что уж говорить про многоженство – этот дикий мужской шовинизм, которому не место в просве-

щенном обществе!

Причиной всему этому, наверно, была повышенная чувствительность южных мужчин к женским прелестям, но это их никак не извиняет.

Счет 0.5 : 0.0 в пользу христианства.

Фактор шестой. Эстетика

Последний и самый сомнительный пункт. С одной стороны, это сложная и большая тема, с другой – кто-то любит арбуз, а кто-то свиной хрящик. Оценивать веру по красоте – дело неблагодарное. Это все равно что сравнивать север с югом, море с долинами, а Петербург с Москвой.

В таких случаях ничего не остается, как снова «включить» чистый субъективизм. Мне самому эстетика христианства гораздо ближе, чем мусульманская. Изошренная резьба и позолота в мечетях радует глаз, но по сути оставляет равнодушным: они слишком поверхностны, в них не хватает божественности, чувства неба, глубины. Ситуация здесь такая же, как с райскими блаженствами. Ислам – весь тут, на земле, по эту сторону мира, тогда как в христианских храмах и богослужениях иногда сквозит ветерок из иных миров.

Субъективно один ноль в пользу христианства.

Итоговые баллы:

Первый раунд: 4.0 против 2.5

Второй раунд: 1.0 против 0.0

Третий раунд: 2.5 против 0.0

С убедительным перевесом 7.5 : 2.5 побеждает христианство. Виват, товарищи!

Интервью «Живому Журналу». Вопросы об исламе.

Почему Вы начали заниматься историей и культурой ислама?

Наверное, истоки кроются где-то в детстве. Сначала были «Арабские ночи», калиф-аист, джинны, падишахи – все это очарование восточной сказочности, на которую всегда покупались европейцы. А когда что-то полюбишь, появляется и интерес.

Но всерьез к исламу я пришел через христианство. Они так тесно переплетены в истории, что от одного почти незаметно приходишь к другому. Сталкиваясь с исламом тут и там, я начал понимать масштабы этого явления, его огромное значение в мире и культуре. А еще было очень интересно смотреть, как пестрое разнообразие человеческой жизни преломляется в странной, непривычной мусульманской среде, о которой я тогда не имел никаких представлений. Кончилось тем, что мне захотелось с головой погрузиться в многоцветный мир ислама со всеми его тонкостями и нюансами. Опять же – все дело в любви.

Есть ли у Вас любимый исторический сюжет?

По-моему, вся история – один непрерывный увлекательный сюжет, никогда не надоедающий и притом исключительно правдивый. Но если выбрать что-то конкретное, то больше всего мне нравится, когда люди совершают что-то невероятное, считавшееся невозможным.

Например, я очень люблю историю про императора Ираклия, при котором персы едва не завоевали Византию. Ромейская армия в то время была так слаба, что просто не могла воевать с персидской – рассыпалась при первом же ударе. Но вместо того, чтобы впасть в уныние и бежать из страны, как это обычно делается в таких случаях, Ираклий засел за военную теорию, за полгода сколотил из своих солдат железный кулак и тремя гениальными рейдами в тыл врага разгромил всю Персидскую империю. Это было практически невозможно, но он это сделал. Такие сюжеты мне нравятся.

С чего начался Ваш блог в ЖЖ? Какая была изначальная цель, и поменялась ли она со временем?

Блог начался с книги об исламе, которую я писал. По разным причинам в нее не вошло много материала, и я решил, что хорошо бы вынести все это в интернет. Мне всегда казалось, что культура и история ислама – это такая пустующая ниша, которую пора уже кому-нибудь заполнить.

Формально цель моего блога чисто просветительская – дать читателю больше знаний, чтобы он лучше понимал, что и почему происходит в этом мире. Я владею определенной информацией и делюсь ею с другими.

Но где-то внутри всегда есть еще и желание заразить читателя своей симпатией, своей страстью к тому, что любишь сам. Иногда хочется просто крикнуть: да поймите же, наконец, как прекрасно, как увлекательно то, от чего вы так равнодушно отворачиваетесь! Поэтому я стараюсь подавать материал в самой легкой и удобной форме, выбирать самые лучшие и яркие картинки: только читайте, только радуйтесь, только цените то, что так здорово и интересно.

Как Вы выбираете темы для Ваших постов? Навеяны ли они мировой повесткой?

Я занимаюсь историей мусульманского мира, изучаю накопленный им культурный багаж – этим и хочется поделиться в первую очередь. Но и от современности тоже никуда не денешься. «Мировой повесткой» я бы это не назвал – просто смотришь на то, что происходит вокруг, вообще в мире и в стране. И тут я всегда повторяю одно и то же: ислам уже пришел, он вокруг нас, он стал частью нашей жизни. Откройте на него глаза, потому что это в наших интересах.

Изучая чудеса искусства, причуды обычаев, мелочи бы-

та; не архивные изыскания, а саму жизнь во всех ее гранях и проявлениях, что для Вас было самым интересным?

Трудно выделить что-то одно. Поэзия, живопись, архитектура, быт, война, политические интриги, философские диспуты – все это для меня живое и настоящее, чему можно сочувствовать и сопереживать. Вообще, чем больше я изучаю эту тему, тем меньше мне нравится ислам и тем больше – сами мусульмане. В истории интереснее всего люди – уникальные личности и их человеческие драмы. Об этом я готов говорить и писать бесконечно.

Расскажите, пожалуйста, на Ваш взгляд, в одной фразе, самое главное, что необходимо понимать об исламе.

Об исламе можно с гораздо большим правом сказать то, что Ницше говорил о христианстве: «Человеческое, слишком человеческое». И в хорошем, и в плохом смысле.

Смотрели ли Вы «Аладдина»? Как Вы считаете, может ли христианская культура так трактовать ислам? Нет ли в этом противоречия? И почему все-таки появляются такого рода адаптации?

«Аладдина» не смотрел, но осуждаю! А если всерьез, то фильмы вроде «Аладдина» – вопрос не к христианству, а,

наоборот, к дехристианизации и связанному с этим опощлением всего и вся. Голливуд – не христианская культура, это массовая культура. Он все кроит по своим шаблонам, и ему совершенно все равно, что трактовать и как, – нужен только повод, чтобы снять блокбастер. Откровенный наряд героини нужен, чтобы привлекать зрителей, и ислам тут ни при чем. Думаете, с буддизмом или индуизмом они стали бы больше церемониться?

21 октября Папа Франциск высказался в поддержку ЛГБТ-сообщества. Как Вы думаете, возможно ли такое когда-нибудь в исламе?

Сразу хочется ответить – нет, невозможно. Но еще пять лет назад я то же самое сказал бы про католическую церковь, а пятьдесят лет назад – про христианство вообще. Если ислам вытеснит западную культуру и займет ее место, если он станет таким же цивилизованным и гедонистичным, если он секуляризируется и развратится так же, как она, – почему бы и нет.

Как бы Вы охарактеризовали отношения российской православной культуры и ислама?

Это сложный вопрос. Отношения между православием и исламом такие длинные и трудные, что об этом можно напи-

сать не одну книгу.

Если говорить про современность, то православная культура сочетается с исламской примерно так же, как вода с маслом, то есть никак. То, что сегодня мы видим в прилизанных официальных новостях, где муфтии и епископы мирно беседуют на пресс-конференциях, – это просто политически вынужденное соседство, по принципу «худой мир лучше доброй ссоры». А реальное отношение «глубинной» Руси к исламу не слишком доброжелательное, да и с чего бы, собственно. На эту тему могу порекомендовать фильм Хотиненко «Мусульманин» – там все показано довольно точно.

Другое дело, что по факту повседневное мусульманство постепенно навязывается православному миру, – просто потому, что его становится все больше. Хочешь не хочешь, а приходится сосуществовать, куда деться? Будем жить, как-нибудь пообвыкнемся, притерпимся, если гости с Востока не будут слишком зарываться. А они, увы, зарываются, и нарываються, и взрываются. Если ничего с этим не делать, то само ничего не наладится и не срастется, не стоит себя обманывать и закрывать глаза.

Хотя в отношении веры все не так просто и однозначно. Например, у меня есть знакомый русский традиционалист – такой истовый православный верующий, с бородой до пояса. Так вот, он находит гораздо больше общего с такими же бородатыми фундаменталистами-исламистами, чем с современными либералами и функционерами от русской церкви.

Общее мировоззрение у них, оказывается, довольно близкое, хотя доктрины разные. Вот такая информация к размышлению.

Были ли в истории ислама периоды такой сильной конфронтации с западным (христианским) миром, как сейчас?

Были гораздо хуже. Вообще, ислам со времени своего возникновения всегда находился с кем-то в конфронтации. Просто говоря, он воевал со всеми, включая христиан.

Вспомним историю: арабы, берберы, турки отхватили большой кусок Европы – Испанию, Сицилию, Балканы и едва не завоевали Италию и Центральную Европу. Они остановились только тогда, когда у них не хватило сил и возможностей воевать дальше. Но сегодня все свои завоевания мусульмане воспринимают как естественные и само собой разумеющиеся. Они видят в этом славу ислама. Зато Крестовые походы для них – смертельная обида, которую они не могут простить до сих пор.

Конфронтация с Западом и не только с Западом – это естественное состояние ислама. И чем более исламским является государство, тем враждебней оно относится к Западу и христианству. Не сомневаюсь, что, если бы сейчас у мусульманского Востока были средства и возможности разгромить западный мир военной силой, он бы это сделал не за-

думываясь.

По Вашему мнению, как европейская идентичность формируется по отношению к мусульманскому миру? Какой комплекс чувств стоит за исламофобией? И есть ли она вообще сегодня?

Говоря языком политики, для Европы исламский Восток всегда был сильным и принципиальным противником – идеологическим, политическим, военным, культурным, религиозным. В этом смысле сегодня ничего не изменилось, только соприкосновение стало более тесным и поэтому более острым и болезненным.

Сегодня европейская идентичность – это то, что мы не любим резать головы. В Азии это довольно распространенная практика, которая никого не удивляет и не возмущает. Они это не по злобе, просто следуют своей традиции. Так уж у них принято. Вот поэтому и начинаешь чувствовать себя европейцем. Как говорят, происходит самопознание от обратного, хотя и не всегда в хорошую сторону.

Исламофобия в Европе, конечно, есть. Как ей не быть после известных событий? Была ли исламофобия в Москве, когда там один за другим взорвали несколько домов? Или когда захватили «Норд-Ост»?

Хотя я не уверен, что это правильный термин. Как можно назвать чувство, когда какой-то невидимый, безжалостный и

коварный враг может в любой момент уничтожить вас и ваших близких? Ужас, шок, растерянность. То же испытывают и европейцы после своих страшных терактов.

Христианская идентичность, в том числе формируется через понятие «другой» к исламскому. Согласны ли Вы с этим утверждением?

Не совсем понятно, о какой идентичности тут идет речь. Политически и идеологически Запад давно отказался от христианского прошлого и больше никак себя с ним не ассоциирует. Христианство живет вопреки, а не благодаря правительствам Европы, оно стало врагом в собственном государстве.

А так, конечно, для любого верующего существует разделение на «свой-чужой». В масштабах страны – на иногородцев, иноверцев, «чужих». Сейчас между Западом и исламом лежит многовековой культурный и идеологический разлом, связанный не столько даже с верой, сколько с тем, что в последние столетия они прошли разные исторические пути. Мусульманский Восток выбрал ревностную веру и традицию, христианский Запад – прогресс и культуру. Исламский мир каменел в своем религиозном благочестии, Запад совершенствовался и развивался, становясь все более светским и гуманистичным.

Современному европейцу так же трудно понять мусуль-

манина, как английскому поселенцу – североамериканского индейца. (Напрашивается даже прямая параллель: одни снимали скальпы, другие режут головы). При этом Запад настолько уверен в своей правоте, что надеется изменить Восток только силой своего примера. Предполагается, что благородные идеи гуманизма, практическая выгода и здравый смысл победят мракобесие и устаревшие доктрины веры. Глобализация проглотит и переварит все.

По-моему, это какая-то маниловщина, прекраснодушная утопия. Европа представляет себе многонациональное государство так же, как коммунисты представляли себе коммуны будущего. Все дружно делают общее дело, строят светлое будущее, а разные дурные и асоциальные элементы понемногу перевоспитываются и становятся сознательными членами общества. Думают, что и с исламом произойдет то же самое.

Но мусульмане не хотят быть еще одной ячейкой в «цветущей сложности» Европы. Они принимают религию всерьез, что Европе сегодня совершенно непонятно. Римляне в свое время тоже удивлялись: почему христиане так держатся за свою веру, почему с каким-то зверским рвением идут на смерть и прочее? Зачем, какое это имеет значение? Варварство, и только.

Запад давно сам лишился религиозности и перестал чувствовать ее в других. Долгое время казалось, что он сделал правильный выбор, поставив на разум и науку, но похоже,

что сегодня баланс начинает клониться в другую сторону. Постхристианский мир «слетел с катушек», идет в тупик. Мусульмане на этом фоне выглядят духовно сплоченней и сильнее – как раз потому, что уперлись в свою веру и не хотят никуда развиваться. Ислам внутренне выиграл в прочности и силе, отказавшись от прогресса и культуры. И чем закончится это противостояние, неизвестно.

Работает ли этот механизм в обратную сторону? Противопоставлено ли христианство для мусульман? Какие механизмы формирования собственного представления о себе в мусульманском мире, и меняются ли они с течением времени?

«Механизм» работает, и еще как. Начать с того, что ислам с самого начала родился как национальная идея арабов, которая обособила их от всех остальных. Он противопоставлял себя и иудаизму, и христианству, и индуизму. Скажем, суббота была днем евреев, а воскресенье – христиан, поэтому мусульмане стали проводить службы в пятницу. Христиане молились на Иерусалим – и мусульмане, сначала тоже молившиеся на Иерусалим, стали молиться на Мекку. Особая манера стричься, обряды, тюрбаны – все эти противопоставления были нужны арабам, чтобы утвердить свое избранничество.

Со временем государство, культура и религия в исламе

срослись настолько тесно, что никаких особых механизмов для самоидентификации мусульманам теперь не нужно. Достаточно сказать «я мусульманин», и за этим сразу встает вся мировоззренческая парадигма ислама, из которой автоматически вытекает все остальное. Православным христианам это должно быть хорошо понятно. Они смотрят на себя как на здоровое ядро мира, область истины и смысла, где горит божественный свет. Так и мусульмане позиционируют себя как добрых, «божьих», праведных и избранных людей, в отличие от развращенных и безбожных европейцев.

Только ли теракты формируют мнение о мусульманах сегодня?

Не только, но по большей части. Если бы не было терактов, не уверен, интересовались бы вообще на Западе исламом.

На самом деле, на ислам всем плевать. Вся его тысячелетняя культура никому не нужна, даже самим мусульманам. Об исламе вспоминают, только когда происходит что-то экстраординарное, когда кого-то взрывают или лишают головы. Тогда начинаются дискуссии, что такое ислам, мирный он или агрессивный, – и приходят к выводу, что, в общем-то, мирный, если не считать каких-то отдельных отщепенцев. Надо его как-то интегрировать в европейское общество, и тогда все будет в порядке. И так до следующего теракта.

Но сам ислам в целом никто не знает и не хочет знать. Европейцы не видят в этом смысла. Зачем? Пусть папуасы верят в каких-то своих богов, а арабы – в своих. Для европейцев все это какой-то маскарад, не имеющий особого значения. Одни одеваются в сари, другие носят тюрбан – так, этнические отличия, ничего существенного.

По-моему, самый большой грех современного Запада в отношении ислама – это отсутствие любопытства. Когда-то Запад обладал огромным любопытством в отношении всего на свете. Европейцы лезли во все щели, хотели везде побывать, все узнать, все понять, все исследовать. В Азии никогда не было ничего подобного. К XVIII веку европейцы, например, гораздо лучше знали историю и культуру ислама, чем сами мусульмане. Поэтому и выиграла она, а не Османская империя.

А теперь Европе неинтересно. Европейцам ничего не нужно. Они потеряли инициативу, потеряли преимущества, на которых была создана их цивилизация. Они хотят сыто и спокойно жить, и это определяет их отношение к жизни, взгляд на вещи. Им кажется, что общество – это такой глобальный коктейль, пестрая смесь из разных ингредиентов. Немного индусов, немного латиноамериканцев, немного арабов или китайцев. И все мирно живут, в приятном разнообразии обычаев, религий. Никто никому не мешает.

А тут приходит ислам – со своими устаревшими понятиями о вере, воплями о кощунстве и резаньем голов.

Почему, в целом, ислам становится почвой для роста радикальных движений? Ведь в христианстве существует аналогичное понятие Тафсиру – экзегезис, например. Почему становится возможным радикальное толкование Корана? Есть ли у этого какие-то историко-культурные предпосылки?

Радикальное толкование Корана возможно потому, что для этого в нем имеются все основания. Когда в России судили Pussy Riot, журналистам пришлось долго копать в Библии и святынях отцов, чтобы выудить одну-единственную цитату из Иоанна Златоуста, хоть как-то оправдывающую насилие против иноверцев. С Кораном у них не было бы никаких проблем.

Как ни любят мусульмане приводить аяты и хадисы, доказывающие мирный характер их религии, всегда можно найти ничуть не меньше авторитетных цитат, призывающих к прямому убийству и насилию.

Практика ислама тоже вполне соответствовала теории. Пророку Мухаммеду стоило только намекнуть, что он недоволен каким-нибудь человеком, как тут же вызывался доброволец и отрезал этому человеку голову. Это считалось похвальным делом, проявлением благочестия.

Ислам всегда нападал и наступал, навязывался другим народам войной и силой. Когда сейчас мусульмане говорят, что

Коран предписывает не нападать, а только защищаться, это звучит абсурдно. Как будто не было никакой истории, никаких завоеваний и морей крови.

А если так, почему сейчас мусульманам нельзя делать то, что они делали раньше? Раз невозможно победить неверного в открытой схватке, можно его взорвать или расстрелять на улице. Что на это может возразить какой-нибудь муфтий или мулла, который выступает за мирное сосуществование религий? Только дать другой подбор цитат из того же Корана. Но факт останется фактом: мусульманство с самого рождения содержит в себе семена радикализма, и они постоянно прорастают тут и там. Ваххабитские и салафитские течения, разумеется, не исчерпывают ислам, но имеют в нем твердую и законную почву.

Почему со временем начинает меняться понятие «джихада»?

А разве оно меняется? Джихад с самого начала толковался очень широко – как акт веры и ревностного служения Аллаху. Поститься, давать милостыню, проповедовать, учиться – все это джихад. Один мусульманский подвижник говорил, что двадцать лет вел джихад против самого себя, заставляя себя молиться по ночам. А Мухаммед даже предлагал относиться к мученикам погибших от несчастной любви, при условии, что они сохранили целомудрие.

Но в том, что под джихадом понимается именно вооруженная борьба против неверных, есть своя логика. Война, кровь, смерть за веру – в исламе это высшее проявление религиозного рвения. Христиане в таких случаях говорят: нет большей любви, чем положить жизнь за други своя. Мусульмане так же понимают джихад.

Важно и то, что это наиболее воинственное, мужественное проявление веры. Как раз то, что нужно молодым горячим (и бородатым) головам. И как раз то, что нужно современному радикальному исламу. То, что ваххабизм сейчас предлагает исламской молодежи, – это взрывоопасная смесь архаической религиозности с жаждой политического реванша. А джихад – идеальный и вполне законный с точки зрения ислама инструмент для борьбы за веру, в том числе с помощью террора.

Бодрийяр в «Духе терроризма» пишет о том, что терроризм является порождением глобализации и направлен на уничтожение себя самой. Согласны ли Вы с такой интерпретацией? Как западный мир участвует в распространении терроризма?

Бодрийяр писал об этом в философском ключе. Он считал, что глобализм настолько невыносим, что вызывает всеобщую ненависть, которая в конце концов воплощается в терроре. Даже сами создатели глобализма якобы втайне хо-

тят уничтожения построенной ими Вавилонской башни. И когда это происходит, наслаждаются самоубийственным разрушением.

Я вижу роль Запада в расцвете терроризма более приземленно. Прежде всего, глобальный мир делает возможным глобальный террор. Попробовал бы в XIX веке какой-нибудь джихадист взорвать Белый дом! Сомневаюсь, что он вообще смог бы добраться из Аравии в Америку со своим примитивным динамитом.

Зато мировой порядок, в котором все смешано-перемешано, границы размыты, а средства перемещения почти мгновенны, – рай для террориста. Глобализм облегчает подпольную войну тем, кто слишком слаб, чтобы воевать открыто, но достаточно решителен и жесток, чтобы «бить по тылам» противника. В этом смысле не так уж важно, кто агрессор, а кто жертва. Тот же Бодрийяр писал, что, если бы в мире господствовал ислам, терроризм был бы направлен против ислама.

Кроме того, терроризм стал частью массовой культуры, которая эксплуатирует все, что выглядит эффектно, и неважно, с положительным знаком или отрицательным. Внешнее морализаторство фильмов, игр, книг скрывает внутреннюю беспринципность. Западная масс-культура романтизировала и эстетизировала террористов так же, как оборотней, маньяков и вампиров.

В том же направлении работает и культ «горячих» новостей, экранности, известности любой ценой. Масс-медийная атмосфера сенсационности и скандальности поощряет не только психопатов, но и террористов. Вокруг терактов возникает жуткий и болезненный ажиотаж, настоящий хайп. А сильные эмоции хорошо продаются.

Вольно или невольно, но западные СМИ парадоксальным образом пропагандируют терроризм, вписывая его в некую киногоеничную картину мира. Они делают террор – да и зло вообще – его законной и даже привлекательной частью. Бодрийяр сказал это еще резче: «Средства информации – часть террора».

Почему во Франции особенно радикально стоит вопрос мигрантов?

Я не вижу принципиальных различий между ситуацией с эмигрантами во Франции и в других странах. Количественно мусульман во Франции больше и живут они там дольше – в основном из-за Алжира, – но ведут себя так же и по тем же мотивам, что и в остальной Европе. Теракты и насилие происходят везде – в Испании, Австрии, Германии, Великобритании. Просто во Франции все это началось раньше, и сейчас мы видим у них то, что потом будет происходить везде.

По Вашему мнению, в чем принципиальные особенности

социальной и культурной – включая религиозную – интеграции во французское общество по сравнению с интеграцией мигрантов в общества других европейских стран?

Во Франции ислам укоренился глубже и основательней, чем где-либо в Европе. Можно сказать, он стал частью традиции. Помню, как меня поразило, когда в одном французском фильме с Сантой и оленями – милой европейской сказке на Рождество – главными героями оказались детишки из семьи арабов-эмигрантов.

В этом, пожалуй, есть что-то символичное. Именно во Франции начался отказ Европы от своих традиций, от того религиозного стержня, на котором держалась ее культура. Современный Запад ведет отсчет своей истории не с христианской древности, а с XVIII века, с Просвещения и Революции, которые отменили христианство и провозгласили эру разума.

С этой же позиции она и защищается сегодня, пытаясь противопоставить исламу свое право на карикатуры, кощунства и «Шарли Эбдо». Получается, как мне кажется, не очень убедительно. Думаю, и сами французы это чувствуют. Роман «Покорность» Мишеля Уэльбека звучит не просто как пророчество – это фактически программа действий на ближайший срок.

Что, по-Вашему, нужно делать Европе, чтобы избе-

жать конфронтации с исламом и устранить опасность терактов и насилия?

Начнем с того, что вся эта большая проблема с мигрантами и терактами – вина (и беда) Европы, а не ислама. Ислам не меняется, он верен сам себе. Он такой, какой он есть, каким всегда был. Он и не обещал, что станет другим. Это «мудрой» Европе надо было думать, с чем она имеет дело и какие могут быть последствия пресловутой интеграции. Она в ответе за то, что происходит, и ей решать, что делать.

А решать придется политикам. На их месте я бы задумался: так ли уж нужно европейцам приглашать к себе мигрантов из мусульманских стран? Япония, например, вполне обходится без них и при этом не вводит никаких драконовских мер. Насколько я знаю, они просто приняли закон, по которому средняя зарплата мигрантов должна быть не ниже, чем у местных граждан. Нет дешевой рабсилы – нет гастарбайтеров.

Говорят, что Европа принимает беженцев из приверженности к идеалам свободы и открытости. Идея международной помощи, конечно, благородная, но требует тщательного подхода. Если вы хотите, например, помочь бездомным, то создаете приюты, кормите голодных, устраиваете их на работу. Но кто говорит, что надо приводить их в свой дом и жить вместе с ними одной семьей? Государство не должно мучить и убивать себя и своих граждан из соображений бла-

готовительности.

Как быть? Ясно, по крайней мере, одно: эмиграция не должна происходить спонтанно. Это долгий и ответственный процесс, и почву надо готовить по обе стороны. В Европе, на Западе нужно изучать ислам – объективно и беспристрастно. Раз уж вы хотите с кем-то жить, надо прежде всего его узнать, а еще лучше – полюбить. А полюбить всегда есть за что. Нельзя селить в своих домах и городах людей, к которым вы совершенно безразличны. Вы должны по меньшей мере уважать своих соседей, а знание – первая ступень уважения.

Второе – надо делать то же самое и с обратной стороны. Активно разъяснять, пропагандировать, разжевывать и показывать на пальцах, что такое Запад, почему он такой и чего он хочет. Нужно создавать школы для эмигрантов – желательно, по ту сторону границ. Пусть тот, кто хочет приехать, сначала узнает, куда он едет, что от него там ждут и на каких условиях его там примут.

Третье – надо тщательно отсеивать тех, кто готов войти в западное общество на его условиях. И принимать на работу на равных, по их знаниям и способностям, а не потому, что они меньшинства.

Ничего из этого в Европе сейчас не делается. Круги, которые определяют национальную политику Европы, похоже, руководствуются не реальной жизнью, а отвлеченными концепциями о свободе, правах меньшинств, толерантности и пр. Идеологическая доктрина застит им глаза. Они похо-

жи на марксистов, которые думали, что раз их теория единственно научная и верная, то непременно и победит.

Не знаю, в чем тут дело: в наивном идеализме, близорукости, злонамеренности или просто глупости, – но расплачиваться за это придется всем.

Что не так с исламом?

По статистике ислам исповедуют 1.7 млрд. человек. Это вторая по численности мировая религия, уступающая только христианству. В России, по данным официальной переписи, мусульман 20 млн. человек, не считая гастарбайтеров, большинство из которых тоже исповедуют ислам.

Ислам – не далекая от нас религия, он давно рядом с нами, на наших улицах и в наших домах. Что нам о нем известно? Почти ничего.

Мы знаем, во-первых, что это что-то чужое, незнакомое и «нерусское». Какая-то азиатчина, вызывающая скорее отторжение, чем любопытство.

Во-вторых, это что-то нежелательное и ненужное, больше того – враждебное и несущее угрозу: жестокая и примитивная религия, в которую верят только тупые фанатики и злобные террористы. Мусульманин – враг, который вызывает ответную агрессию и страх. В лучшем случае – «чурбан» и простофиля, предмет насмешек и острот, низводящих его до уровня безобидного дурачка.

Все это означает, что в отношении к исламу в России лежит резкий и глубокий раздел. Для одних ислам – это пугало, агрессивный и дремучий пережиток прошлого. Для других – вера отцов, продолжение истории и культуры своего народа. Два этих подхода, взаимоисключающих и неприми-

римых, живут бок о бок в одной стране, на соседних улицах, в одних и тех же домах.

Самое скверное даже не в отсутствии взаимопонимания – проблема в нежелании понимать. Это нежелание – с обеих сторон – сталкивает лбами противников и поборников ислама и создает напряжение в линии разлома, которого и так хватает в нашем обществе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.